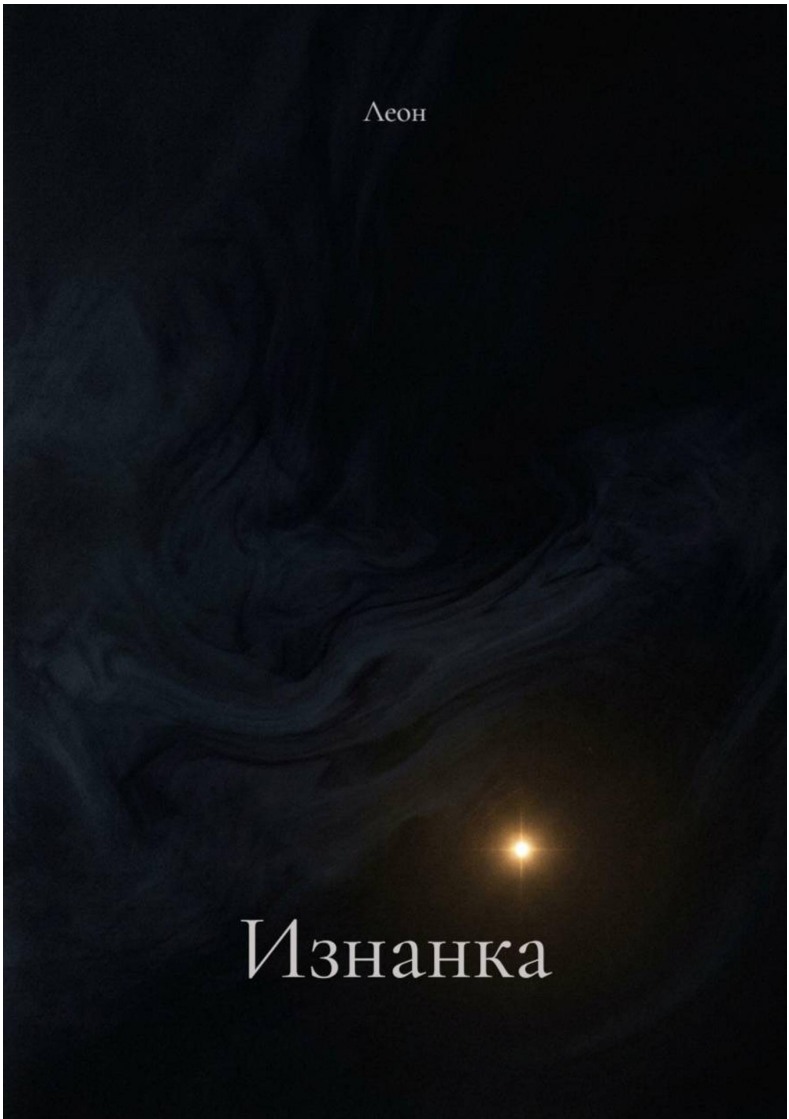
Леон

Изнанка

Леон Леон
Изнанка

https://litres.ru/74811114
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если самое страшное – не то, что приходит извне, а то, что живёт внутри нас?

Девять историй из разных эпох и уголков мира. Девять притч о пороке, гордыне, любви и дружбе. Здесь нет случайных сюжетов – только человеческая природа, обнажённая до предела. Читайте, если готовы заглянуть в собственную изнанку.

Содержание

ЗВЕРЬ 4
ТРИ ДНЯ 8
МОЙ ДРУГ 14
ОБЩЕСТВО 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Леон
Изнанка

ЗВЕРЬ

Случилась эта история в веке восемнадцатом. Прямо в его начале. На окраине густого хвойного леса, где сосны были ростом с великана, расположилась небольшая деревушка. Деревня была не из богатых. Дома построены из досок, а не из брёвен. Ни одного вспаханного поля. Кормили себя только небольшим количеством яиц из–под кур, какими ягодами перебьются, да тем, что из леса выбежит. На всю деревню была всего одна коза. Тяжело было здесь жить.

Пятьдесят человек на бесплодной земле сводили концы с концами только благодаря рисковым городским жителям, которые приезжали за ощущениями. За какими? Об этом посёлке ходят гаденькие слухи.

В очередной раз, рыща на окраине деревни, дабы найти пищу, одно семейство было найдено разодранными в клочья немногим дальше опушки леса. В клочья они были разодраны в буквальном смысле этого слова: стянутая кожа, порванная и разбросанная во круге. Каких–либо других частей тела не нашли. Опознать удалось только по аккуратно развешан-

ным в ряд лицам на ветке дерева.

Вся деревня перепугалась. Животные так не делают. Они едят и не глумятся над трупами. С них и вправду сняли лица. Это же адские боли. В деревне появился маньяк? Или неведомый монстр пришёл из густого леса? Никто в эту ночь не спал, но и в лес идти искать «зверя» не решились. Их пугала темнота.

Утром, когда все селяне, изнеможённые бессонной ночью, собрались, дабы решить, как поступить, глава не досчитался одной семьи. Они ринулись к их дому. Неужели зверь утащил в своё логово новых людей?

Подбежав к такой же халупе, как у всех, они увидели только дым из труб. Не было ни следов крови, ни содранных лиц в округе. «Фух, – вздохнули все с облегчением, – они просто уснули». Все всегда надеются на лучшее.

Они зашли в дом. В доме горел камин, и стоял приятный аромат. Но все, почему–то, замерли. «А жена–то у него хозяйка. С утра уже мясо жарит», – сказал кто–то в конце, прежде чем увидел мясо какого животного варится в котле над камином.

Обычная внутри халупа отличалась от остальных домов только переливающимся в цвете столом от бордовых до ярко–красных оттенков. Нигде рядом не было ни ножа, ни топора. Всё это рисовали руками? Маленькая девочка сидела у котла и помешивала суп корягой из леса. Какая же старая была коряга. В близи деревни все такие давно были пущены

на дрова и хворост.

Маленькая девочка предложила гостям отведать яства и пригласила за стол, но они, опешив от всего этого, не могли и ответить новому кулинару деревни, которая вела себя как ни в чём не бывало.

Маленькая девочка пронзительно захохотала. Да так, что и жители леса услышали. Закричали птицы, завыли волки, затрещали ветки от бегающих туш оленей и лосей.

Девочку схватили и сожгли. Но когда кострище разобрали, её костей не нашли. «Огонь всё забрал», – подумали жители. Останки её семьи и тех, кого нашли в лесу, похоронили. Но похоронили подальше. Чего–то они боялись.

Через время их тяжёлая жизнь снова наладилась. Они продолжили искать себе пищу и, как всегда, ягоды были неотъемлемой частью рациона. Только ягоды росли на окраине леса. И вот каждый житель, ходивший к ягодным кустам мимо могил, постоянно замечал, что они разрыты. Но никто ничего не говорил. Они думали, что упоминание той истории вернёт её.

Вот такую историю разнесли проезжающие мимо купцы, вслед за которой потянулись искатели острых ощущений. Конец этой истории банален. Некоторые горожане пропадают глубоко в лесу, некоторые возвращаются, но, лишённые рассудка, не могут ничего сказать и остаются в деревне. Не по своей воле. У них больше нет здесь воли.

И вот каждый раз, после очередного приезжего, то глубо-

ко в лесу, то прямо здесь, в деревне, из труб селян идёт густой дым, а в воздухе стоит приятный аромат.

ТРИ ДНЯ

Шли третьи сутки после кораблекрушения. Жить на безлюдном острове – это муки. В первый день я отчаянно искал помощи. Пытался обойти этот покинутый Богом клочок земли по этой песчаной косе. Люди называют это «пляж». Отдых. Какой отдых? Пляж. Для меня это пустыня. Пускай рядом и есть вода. Солёная и непригодная для питья вода.

Идти через остров я не решился. В этих широтах природа потрудилась разнообразить живность. Помню, когда мы забирали товар из порта и заодно брали припасы на борт, в одном из ящиков с банками засоленных огурцов спрятался гад – змея ядовитая. Настолько мелкая, что никто её не заметил. А её камуфляж был тёмно–зелёным, точно как у огурцов. Точно как у огурцов! Именно поэтому она спряталась там! Из–за неё, падлы, нашего кока не стало на третий день после отплытия. А ведь она заползла к нам в населённом пункте, что же тут может обитать?

В общем нет, я пошёл по косе. И как же я был рад своему выбору, когда, пройдя с утра до вечера через палящее солнце, я обнаружил, что рядом со мной скала. А ведь издалека это был всего–то камешек. Какой же этот остров большой. Радость сменилась отчаянием. Снова. Один. Обречённый на смерть.

Как я мог обмануться? Почему не перестал идти к этой каменюке раньше? Неужели солнце так напекло мне, что потерял связь с реальностью? Да! Однозначно это всё из–за него. И кораблекрушение тоже! Постой, что ты такое говоришь? Ты сходишь с ума. Мы же разбились в воде. Здесь солнце ни при чём. Надо винить воду.

Пляж. Отдых. Лежать на песке было не лучшей идеей. Точно вечер? Я в парилке. Да, днём я был на сковородке. Жаркие дни, холодные ночи. И снова мне надо переждать.

Ожидание. Никогда не умел ожидать. После смерти кока, ещё через три дня, мы попали в штиль. Пришлось встать на якорь, чтобы течение не сбило с курса. Боже, как же долго мы стояли. Решили выбросить тело кока в океан. Почему мы думали, что сможем его хоть куда–то довезти? Бедный малый. Весил под сто килограмм, но бедный малый. Змею капитан съел на ужин.

В первый день мы играли. Чем могут развлечь себя моряки? Карты, домино, хех, интересная китайская безделушка. Купили в Гонконге по пути в Индию. Второй день подряд солнце не переставало жарить. Палуба настолько разогрелась, что на ней невозможно было находиться. Обычно в море штиль бывает в центре шторма. Что же это за шторм такой? На горизонте не облачка. Третий день. Наконец–то поднялся ветер. Поплыли.

Ветерочек. Как мне не хватает ветерочка. Даже вечером. Это сумерки? Да, проклятое солнце садится. Теперь всходит

проклятая луна. Я далеко от остова корабля. Как мне не замёрзнуть до смерти? Как же не замёрзнуть до смерти? Замёрзнуть до смерти … мёрзнуть до смерти … нуть до сме … сон…

Что? Почему я мокрый? Вода? Я же только что спал. Где я? Где корабль? Почему он горит? Объясните мне, что произошло! Я один. Нет! Вон кто–то плывёт! Капитан? Капитан! Капитан, это я! Помогите мне! Капитан мёртв. Что же произошло?

Прилив разбудил меня. Точно. Я же совсем забыл, как я здесь оказался. Знаешь как? Как? Это случилось на девятый день после отплытия с порта Гонконга. Мы попали в сильнейший шторм. Как могли моряки держали снасти. Как могли следили за тем, чтобы корабль не утонул. Представь себя в таких условиях. Ты, только что просидевший на раскалённой деревянной палубе три дня, заполучавший десятки заноз, сразу же попадаешь в жесточайший шторм. Не понятно откуда взявшаяся, тебя срубает ледяная вода каждый раз, когда ты пытаешься подняться. Ветер разрезал нашу кожу, словно нож масло. Как вообще ветер может разрезать кожу? Не все выдержали. Я заболел. Мой мозг отключился.

Как же ты оказался в воде? Я не знаю. Я не знаю. Мы держали в трюме много рома и много пороха. Во всяком случае в день взрыва я не видел других кораблей. Нужно вернуться к остову. Наш капитан держал судовой журнал в чугунном сейфе, в своей каюте. Есть шанс, что ни взрыв, ни огонь не

смогли добраться до него или хотя бы повредить его.

Что я делаю? Вместо того, чтобы выживать, иду на обломки ради какой–то книжки. С другой стороны, я могу найти там что–то нужное. Или даже больше, я мог бы пережидать там и дни, и ночи. Моё убежище. Четыре дня безмозглых скитаний, и я только сейчас додумался? Как я ещё не умер…

Вот он. Почему–то я дошёл до него гораздо быстрее, чем от него. Ни одного тела. Очень странно. Почему их тела не выбросила на берег? Ни одной чайки. За четыре дня ни одной чайки. Ни одного краба. Действительно один.

Горелые доски, разбитые взрывом балки. Каюта наверху? Да, это корма, каюта наверху. Придётся лезть. Кто бы мог подумать, что, идя в моряки, я окажусь альпинистом. Зараза, рука. Остров хочет лишить меня не только рассудка. Простите, капитан, войду в вашу каюту без разрешения. И без ключа. Ключ, точно. Теперь я надеюсь, чтобы этот сейф был задет взрывом.

Совершенно целая каюта. Как такое возможно? Судовой журнал прямо на столе? Не обгоревший? Но обмокший. Доски пропитались водой. Даже «верх», если у этого теперь вообще есть верх.

Запись 1. Гонконг – Лондон. Год *не разобрать* день *не разобрать*

Первая часть путешествия окончена. Сейчас мы грузим товар и провиант, как только закончим – отправимся в путь. Пускай он и проложен через десятки портов, мы проплыли

полмира и теперь возвращаемся домой. Дай Бог нам сил.

Запись 2. Гонконг – Лондон. Год *не разобрать* день *не разобрать*

Какая досада. Прошло всего три дня, а мы уже несём потери. Эти китайцы подложили нам змею в ящик! Ах, ладно. Во мне говорит злость. Это абсолютно наша вина, что мы её не заметили. Китайцы и так много натерпелись. Надеюсь, это не знак, что и нам пора.

Итог дня: кок мёртв, змея уползла.

Запись 3. Гонконг – Лондон. Год *не разобрать* день *не разобрать*

Прошло шесть дней. Мы попали в штиль. Пришлось отойти к рифам и бросить якорь, иначе нас непонятно куда унесло бы течением.

Нам не удастся доставить тело кока на сушу. Придётся выбросить его за борт.

Зато есть хоть одна хорошая новость: мы нашли змею. Команда сейчас очень подавлена, и мне необходимо поднять их дух. Око за око, зуб за зуб. Я съем эту змею. Поступок глупый, но, с другой стороны, мясо есть мясо, а экипаж может порадуется.

Запись 4. Гонконг – Лондон. Год *не разобрать* день *не разобрать*

Седьмой день плавания и штиль всё стоит, а с ним и мы на якоре. Сегодня необыкновенно жарко. Хотя тут всегда так, скорее всего. Только в движении никогда этого не было за-

метно.

Моряки стали прозябать. И даже не выгонишь их драить палубу. Они получат солнечные удары и ожоги. Приходится ждать.

Запись 5. Гонконг – Лондон. Год *не разобрать* день *не разобрать*

Наконец–то поднялся ветер. Мы поплыли. Но всё это меня настораживает. Внезапный штиль, внезапный ветер. Надо скорректировать курс.

Запись 6. Гонконг – Лондон. Год *не разобрать* день *не разобрать*

Шторм! Прямо сейчас за дверьми моей каюты волны выше мачт! Я не знаю. Я…я…команда в панике, три часа мы бились со стихией. Возможно, это последняя запись. Капитан *имя затёрто*

Полкнижки промокло. Удивительно, что я смог прочитать хоть несколько страниц. Капитан. Как же так? Нет ответов. Это всё я и так знал! Это всё я и так знал.

…

Какой же тёплый у нас пляж… Я теперь понимаю, почему ты так не хотел домой. Не хотел? Уже? Вдали проплывает корабль. Спасёт ли он меня? Три дня. Может быть, через три дня.

МОЙ ДРУГ

Это история про самое мерзотное и отвратное существо, о котором вам приходилось слышать. Вы не сможете после этого ходить по лесу, есть грибы, смотреть на ланей. Точно не в той местности. Вы всё ещё хотите её услышать? Садитесь ближе.

В нашем городе ходит старая легенда … Этой ночью Ветер рвёт и мечет. Прямо как в тот самый день … Вы видели, что при сильном ветре на наших окраинах из–под земли вылезают странные шпили, больше похожие на груду выветренных камней? Да, те самые, которые наши люди берут по пути в поход, что палатки придавливают. Те, которыми в птиц кидаетесь. Нет, это не обычный булыжник – то старый город. Вернее, остатки его самых величественных зданий. Ветер был недоволен. Он пожрал всё, что люди когда–либо строили в городе. А что не захотел – засыпал пылью от поглощённого.

Свист в трубах? Не пугайтесь. Ветер слышит нашу историю. И всё ещё злится. Как и тогда его добрая душа не выдержала печальной истории жизни одного бедного и голодного, ободранного и грязного человека. О, как же его били! Над ним все любили смеяться. У человека была боязнь огурцов. Не смейтесь. Когда вам в рот запихивают мохнатый, колючий, сухой и ужасно горький кусок вялого дерьма только

потому, что кожевеннику и его детям стало скучно, вы волей–неволей начнёте опасаться этого.

Бедный, бедный–бедный и доверчивый человек, он так радовался, когда нашёл иссохший труп варана, ободрал с него кожу и побежал к своему «другу» сшить себе хотя бы лапти. В такой–то коже его стопы, болящие, как будто их какой–то садист постоянно, но медленно режет ржавым ножом, больше не истекали бы кровью, вымывая из глубоких треснувших ран тускло–жёлтую и вязкую субстанцию.

Ох, я помню его самый счастливый день. После очередного голодного обморока он очнулся чуть позже полудня. Чья–то пастушья собака лизала ему лицо. Добрые животные. От палящего солнца он пошёл по вымощенной песчаником улице в поисках тени. Его ненавистная нами жизнь продолжилась. Он не видел дороги. В его красивых глазах было белым–бело. Он шёл на чистой вере, что его друг его не бросит. Чтобы не упасть, то, что раньше было рукой, шершавило по стенам соседских глинобитных домов, оставляя только чёрные отметины.

Только представьте себе этот прекрасный задворок: слепленные из глины и сухой травы халупы, отсвечиваемые жёлтым цветом, сходятся углами – их крыши сталкиваются и образуют тень. И, о благо, это что? Из–за чьего–то окна выглядывает пальмовый лист. Рука бедняка соскользнула, и он упал. Его ладонь больше похожа на уроненный в огонь кусок кости с кожицей на ней, его голова крива и без части черепа,

его голень вывернута и уже гниёт, только его живот действительно большой.

Ветер нежно обдувал его тельце. Он чувствовал себя, как на никогда не лежавшей перине. Ему снилась та самая собачка. Которая внезапно вгрызлась ему под дых! Эта острая боль была от камней детей. Эти беззаботные мальцы с румянцем на щеках. Эти плоды жизни без несчастья. Они заскучали и решили сделать ставку от какого по счёту камня, брошенного ими, проснётся тот кусок морщинистой кожи. Первый в гниющую ногу. Омертвевшие нервы дали доброму человеку поспать чуть дольше. Второй прилетел ему в руку. Она уже давно ничего не чувствует. Третий проткнул его грудь. На момент, пока был в нём, он сковал его дыхание. Ветер был недоволен. Он пытался отдуть камни в стороны.

Из его раны хлынула вязкая жидкость вперемешку с кровью, окропив жёлтый песок. Такая грязная, но всё ещё благороднее, чем у всех жителей этого гнусного городка. Его живот начал уменьшаться, а дети от испуга убежали так же быстро, как решили кидать камни в человека. Ветер начал рвать воздух. Человек замельтешил. Всё, что он мог видеть, – это бело–жёлтый цвет, который начал пульсировать красным от краёв его зрения к центру.

Он вскочил, сумев не потерять сознание, и поковылял так быстро, как смог, разливая смесь со своего пуза по улице. Как же повеселился народ. Мерзкая тварь пытается бежать с вывернутой лодыжкой! Потеха ведь! Никто не воспринял ра-

ну живота всерьёз. Ветер усилился и врывался в дома, ломая ставни и выбивая крестовые сваи окон, но громкость смеха перекрывала звуки ломающегося дерева. Ветер решил. Он подлетел к человеку и шёпотом, как ласковый любовник, навевал мысли о надежде и жизни.

Человек упал, человек пополз, люди буквально харкнули на него за то, что теперь на улице смрад из–за его подкожных соков. Но Ветер его не оставлял. Пока тот не отполз от города подальше. Слышите, взлетели птицы за окном? Это был первый признак, ведь Ветер своих не трогает. Вторым признаком была дрожь земли, будто ситом муку, просеяли целую гору. Третьим – невыносимо громкий грохот, будто само небо разверзлось. Четвёртым – в мгновенье ока стало жарко, будто бы сама солнечная колесница сошла со своей тропы и упала в дыру в небе. Ни одна прогнивавшая в городе душонка не знала покоя. Но когда они увидели несущуюся на них песчаную стену такой плотности, что не видно было света, такой высоты, что почувствовали себя муравьями перед стенами дома, с таким рёвом ветра, что их уши разрывались, а инстинкты кричали бежать прочь от большого и громкого зверя, они оцепенели. Сегодня они умрут от удушья, от разбитых голов, от лопнувшего сердца, от разорванных лёгких, от набитых песком животов, от оторванных ног – Ветер будет беспощаден к ним и их наследию.

Человек полз. Когда истекла жидкость, надувавшая пухнувший от голода живот, кровь потекла сполна. Зловонье

превратилось в прекрасный сладковатый запах. Удивительно, как много крови в таком маленьком человеке. Она лилась, всё больше и больше вымывая песок, за песком грунт, а за ним породу. Его живот стал родником, давшим жизнь ручью. Чем дольше полз человек, тем шире и длиннее становилась река, со временем впала в соседнее море. Эта река дала жизнь сильнейшей цивилизации, когда–либо существовавшей.

Когда закончилась кровь и его живот был разодран камнями до кишок, с них начал течь сок. Он растёкся по пустой и сухой земле. Куда мог упасть взгляд будущего переселенца – всё было теперь в почвах, родивших урожай по три раза в год.

Когда закончился сок и ткани были протёрты до самого хребта, начал выпадать костный мозг. Тогда шёл дождь. Земля размякла и приобрела характерный чёрный цвет. Красный костный мозг смешался с грязью, а острые края позвонков вспахали землю. Родившиеся цветы не имеют равных в красоте. Будущие переселенцы построили на них свою культуру.

Человек отдавал всё больше и больше, но он продолжал ползти. Его тянула любовь даже к такой жизни и любовь к своему другу. Его воля была настолько сильна, что смерть боялась подходить даже к его творениям. Наконец, он дополз до краёв, где вода замерзала ещё до того, как упадёт на землю. Там он и остался, дав своей любовью последний дар –

он начал расти. У него стало миллион зубов, они выпали и ушли в землю, где стали корнями грибниц. Его волосы стали густыми и выпали, превратившись в траву. Его ногти увеличивались, ломались и расползались вдоль всей земли, становясь кустарниками. Его кости жутко лопнули и разлетелись по всей округе, а где упали – там проросли деревья. Его кожа стала большой бесформенной кучей, которая под собственным весом распласталась и из неё вышли лани и волки, кабаны и медведи, ужи и ежи. А его сердце – оно всё ещё стучит из–за любви к жизни и своему другу.

ОБЩЕСТВО

О, это был прекрасный день. Я, как всегда, прогуливался по уютным улицам нашего района. Вы знаете, у нас особый район. Его дома – это не тридцатиметровые каменные башни, это настоящее произведение архитектурного искусства, выполненное в классическом стиле. А его приятные парковые аллеи! Моя самая любимая – это восточная. И находилась она аккурат у моего дома. Сама тропа выполнена на европейский лад: по её краям высажены по ряду аккуратных и маленьких деревьев, узорчатый забор, нужный скорее для украшения, чем для ограждения, белая гранитная плитка неправильной формы, создающая эффект естественной каменной дорожки. В её центре идёт углубление, по которому тоже можно пройти. По бокам его обтекают небольшие каналы … чем–то такой европейский лад отдаёт Венецией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.